



Катя Еж

Пока звучит
твой голос...

Катя Ёж

Пока звучит твой голос...

<https://litres.ru/74603888>

SelfPub; 2026

Аннотация

Отсидев три года в тюрьме, Константин выходит на свободу. Он надеется вернуть себе прежнюю жизнь, но жена и дочь ему не рады, в любимой работе отказано. Встреча с Еленой обещает так много, вот только прошлое безжалостно губит ростки надежды. Виной всему тайна, которую Костя дал слово хранить.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Катя Ёж

Пока звучит твой голос...

Глава 1

Лязгнули ворота за спиной, запирая внутри смешки и прощальное: “Что, Тарасов, на свободу с чистой совестью?” Три года назад тяжёлые металлические створки отрезали его от мира, а теперь выплюнули, и только сухая листва, порывом ветра брошенная в ноги, рада этому. Жёлто-бурые кленовые листья облепили штанины, будто обняли.

— Привет, — сказал он им и поднял глаза.

И зажмурился. Не от яркого солнца — его и видно не было за низко висящими тучами. Ослепило само пространство, убегающее вдаль, вширь и ввысь. Обилие красок и запахов накрыло и чуть не свалило с ног. Тарасов резко выдохнул, выгоняя из лёгких смрад оставшегося позади места, и, раскинув руки, всей грудью вобрал свежий холодный воздух, смакуя роящиеся в нём запахи. Как же вкусно! Влажная земля, листва, пока ещё свежая, не перепревшая... И чудится что-то грибное... Открыв глаза, он огляделся, с трудом сдерживая восторг и ошеломление. Сколько же здесь всего привычного в прошлом, но почти забытого. Детали выплывали

из калейдоскопа по одной: доска объявлений, парковка, машины, а дальше дорога и заросли сорняков по обе стороны. Асфальт разбит, но это ничего, идти по нему можно. Пожалуй, его жизнь сейчас выглядит так же. Главное — выбрать направление... Он постоял ещё немного, привыкая к свободе, которой здесь, в метре от страшной стены и ворот, дышало всё. Приготовился шагнуть...

— Костя! Костенька!

Ошеломлённый, он повернул голову: вот уж кого не ожидал встретить здесь.

— Вера?!

Последний раз он видел её год назад, а потом уже только слышал: Вера заболела, легла на операцию, потом долго восстанавливалась.

— Веруня! Ты откуда?

Они обнялись. Она тут же зашмыгала носом, и он ласково похлопал её по плечу, чувствуя, как от её рук и тела поднимается тепло к совсем уж было заледеневшему сердцу.

— Откуда, откуда, — ворчливо, но с улыбкой ответила Вера, отлипая и всматриваясь ему в лицо. — Должен же кто-то тебя встретить? А ты мог бы и сообщить!

— Но я Миле звонил... — при этих его словах губы у Веры дрогнули и вытянулись в ниточку.

— А она позвонила мне. Дела у неё там какие-то, не может. И Игорю вашему некогда.

Всем видом Вера, никогда не умевшая врать, показывала,

как неприятно ей даже имена эти произносить, и понять её было можно.

— Тощий какой, зарос, ох... — продолжала она, часто моргая, наверное, чтобы сдержать наворачивающиеся от жалости слёзы. — Здоров хоть?

— Да здоров, здоров я, Вера. Пойдём, может? Ты, поди, на машине?

— А то! — Вера подмигнула. — Ездила и буду ездить! Голова и руки в порядке, значит, и говорить не о чем.

Она потянула его за рукав, но ещё на одну крохотную долю секунды он задержался, чтобы оглянуться. Непрístupные стены с колтунами колючей проволоки нависали и давили даже сейчас, когда уже никто не мог его достать. “Не зарекайся!” Ему и раньше в голову не приходило, что угодит сюда, а вышло иначе.

Ездила Вера всё в той же серебристой “Киа”. Тарасов помедлил, прежде чем сесть в машину. Злая память подкинула картинок, до того живых и ярких, что передёрнуло. Молча устроился, пристегнулся, сложил руки на коленях, замер, разглядывая огрубевшую кожу на ладонях, мозоли и ссадины. И мягкая обивка кресел была прежней, и пахла, как раньше, корицей. Внутри заныло, стало тоскливо от встречи с прошлым, которое манит миражами, но никогда уже не вернётся. Вот тут, рядом с Верой, частенько сидел отец...

— Поедем ко мне сначала, — сказала Вера. — Поешь, в баньку сходишь, отдышишься.

— Да мне бы домой.

— Прямо так сразу?

— Дашка же... Я по ней соскучился! Мила ничего не писала толком. Знаю, что всё удачно, но ведь хочется своими глазами на дочь посмотреть.

— Так ведь и она тебя увидит. А вид у тебя, прямо скажем, не для радостных встреч.

Он вздохнул:

— Твоя правда... Ладно, поехали.

Мотор заурчал, Вера ловко завертела руль, выезжая со стоянки на трассу. Глядя на её морщинистые руки, так ласково обнимавшие его совсем недавно, Тарасов думал о том, что всё закончилось, наконец-то закончилось, и жизнь, пусть не сразу, но войдёт в привычную колею.

— Какие планы? — спросила Вера за чаем.

Обильный обед, банные процедуры и краткий сон после всего этого великолепия были позади, настала пора подумать о грядущем. Отцовский дом стоял крепко и по-прежнему казался надёжным убежищем. Знакомые запахи дерева и смолы, тёплых шерстяных пледов, каких-то трав, которые заваривала вместе с чаем Вера, убаюкивали, и не хотелось выныривать из ленивой дремоты и куда-то отсюда уходить. Жаль, нет пока способа остановить время.

Планы... Здесь всё просто: доехать до города, увидеть на-

конец Милену с Дашкой, потом в офис — переговорить насчёт возвращения на работу. А дальше навёрстывать упущенное.

— Жить, Веруня, — ответил Тарасов, — просто жить. Сейчас Милене позвоню, соберусь да поеду.

— Волнуешься?

— А как же.

Честнее было бы сказать, что даже боится. Когда он видел Дашку в последний раз, ей было тринадцать лет. Теперь уже шестнадцать — ещё не взрослая, но и не ребёнок. Образ мыслей, взгляды, интересы сформировались без него, и он встретит кого-то неизвестного и, что самое неприятное, почти чужого.

Внезапная тень стёрла яркие блики: солнце утонуло в мягкой серой вате облаков, и в комнате стало сумрачно и неуютно. Даше было всё равно: она одинаково хорошо чувствовала себя и в темноте, и при ярком свете — необходимую для занятий уютную атмосферу дарила сама музыка. Но музыка внезапно оборвалась.

— Дашенька, что с тобой сегодня? — мягкий голос педагога остановил на вдохе, не дав пойти дальше.

— Н-ничего, — ответила Даша, одновременно пытаюсь угадать, что не понравилось в её пении.

— Ну как же ничего? Мы ведь обсуждали. Вот здесь, на

словах “Quello ch'io provo”, надо колоть иголочкой. А ты что? Развезла... Где тонус? Дыхание где?

Даша ощутила руки преподавательницы на прессе и напряглась, но было поздно: та уже поняла, что ученица не в форме.

— Не ела?

— Ела, просто...

Сказать этого было нельзя. Никто не знал и не должен был знать, иначе она со стыда сгорит.

— Дашенька, давай поступим так... Мы сейчас отложим Керубино и возьмём что-то попроще. “Dignare” Генделя у тебя с собой?

Даша почувствовала, как защипало в носу. Она не справляется. Бестолочь, бездарь, никчёмная!

— Мы просто распоёмся на ней, — словно уловив готовую вырваться эмоцию, поспешила добавить педагог. — Как только почувствуешь опору, мы вернёмся к более сложному. Пойми, тебе всего шестнадцать, я очень боюсь испортить твой голос, а напряжение — верный путь к этому. Давай-ка, соберись.

Как же хорошо, что ей достался такой золотой и понимающий преподаватель. Можно обойтись без слов: одного взгляда порой достаточно, тона голоса, манеры держаться!

Глубоко вздохнув, Даша достала из папки ноты Генделя и протянула педагогу. Эту арию она, конечно, исполнит без ошибок. Она впета до автоматизма и поможет расслабить-

ся. Даша надеялась, что поможет, потому что как тут расслабишься, когда отец возвращается? И не откуда-нибудь, а из тюрьмы, где сидел за убийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.